

Толстой Л. Н.

Ответ польской женщине

Толстой Л. Н. Ответ польской женщине // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 38. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1936. С. 150–155.
1909 г.

Ответ польской женщине
(Одной из многих)

Милостивая государыня!

Получил письмо ваше, в которой вы упрекаете меня за то, что я, выразив свое мнение о присоединении Боснии и Герцеговины, ничего не высказываю о тех жестокостях и несправедливостях, которые были совершены и продолжают совершаться над Польшей, и между прочим осуждаете меня и за изобретенную будто бы мною мысль и философию непротivления злу, говоря, что это учение погубило и погубит Россию. Вы пишете, что Скарга, Кохановский, Костюшко, Словацкий, Мицкевич учили другому, учили борьбе, и что борьба может спасти Польшу.

На днях я получил письмо от одного Индуса, который другими словами выражает ту же мысль и тот же страх и отвращение перед учением о непротivление. Индус этот прислал мне вместе с письмом и журнал "The Free Hindustan", в котором эпитафией стоит изречение о том, что борьба насилем с насилем не только допустима, но обязательна, непротivление же противно требованиям как альтруизма, так и эгоизма: "Non resistance hurts both altruism and egoism". В журнале выражаются мысли совершенно подобные тем, которые вы высказываете. Те же мысли высказываются и всеми борцами против угнетения не только народов, но и сословий. Все с особенным озлоблением относятся к учению о непротivлении злу насилем, как будто в этом учении заключается главное препятствие к освобождению людей. А между тем, как ни странно это покажется, освобождение людей, как поработанных народов, так и сословий, только в том самом, что так старательно и упорно отрицается и вами и моим знакомым индусом, да и всеми руководителями покоренных народов и угнетенных рабочих сословий. Мало того, что отрицается, оно вызывает самые недобрые, озлобленные чувства против тех, кто их предлагает, напоминая ту собаку, которая злобно кусает того, кто хочет отвязать ее.

Освобождение всех поработанных людей, сословий, народов, в том числе и поляков, никак не в том, чтобы бороться с ненавистными русским, австрийским правительствами и силою освободиться от них, а в совершенно противоположном: в том, чтобы, перестав видеть в поляках своих исключительных, любимых, угнетенных братьев, признать всех людей, как своих поляков, так и чуждых и враждебных русских, немцев, одинаково ближними, братьями, с которыми, кто они ни были, недопустимы никакие иные отношения, кроме любовных, исключаящих возможность совершения какого бы то ни было насилия против кого бы

то ни было. Освобождение в признание закона любви во всем его значение, т.е. в признании и неразрывно связанного с ним закона непротivления.

Знаю я, что мысль о том, что только противление злу насилеиeм может спасти порабощенных от порабощения, кажется людям нашего времени и мира до такой степени нелепой, неприложимой, что люди не дают себе труда и подумать о ней, а только, презрительно пожимая плечами, улыбаются при упоминании о таком непрактическом, фантастическом приеме борьбы со злом. Я знаю это и все-таки утверждаю, что освобождение не только поляков, но и всех людей от тех несправедливостей и страданий, на которые они теперь упорно жалуются, может совершиться только признанием людьми обязательности для себя закона любви, несовместимого с употреблением какого бы то ни было насилия против ближнего, т.е. непротivления.

"E pur si muove". "И все-таки вертится". Не думаю, что Галилей был более убежден в несомненности открытой им истины, чем убежден я, несмотря на всеобщее отрицание ее, в несомненности открытой не мной и не одним Христом, но всеми величайшими мудрецами мира истины о том, что зло побеждается не злом, а только добром.

Да, удивительное дело: единственное средство спасения от зла, от которого страдают все порабощенные народы и сословия, не только упорно отвергается этими народами и сословиями, но, напротив, народы и сословия эти напрягают все силы на совершение поступков, казалось бы, очевидно, не могущих иметь никаких других последствий, кроме усиления и ухудшения того порабощения, на которое жалуются.

В самом деле, не говоря уже о внутреннем религиозном значении закона любви, исполнение которого дает высшее благо как отдельному человеку, так и большему или меньшему соединению людей, исполняющих этот закон; не говоря и о том, что люди, исповедующие христианский закон любви к ближнему, т.е. ко всем ко всем людям, ненавидя целые те или другие народы, прямо отрекаются от исповедуемого ими учения, не говоря о всем этом, простой здравый смысл должен бы показать людям, что насилие, в особенности слабых против насилия несравненно сильнейших, может только ухудшить положение порабощенных, но ни в каком случае не освободить их. А между тем на эту самую борьбу силою слабого против сильного натравливают людей все революционные руководители.

Ведь дело казалось так просто и ясно, что совестно разьяснять то, что до такой степени очевидно. Ведь если польский народ порабощен и угнетается и точно так же индусский и другие порабощенные народы, если точно также порабощены рабочие сословия небольшим количеством богатых людей, то совершаются ведь все эти порабощения никак не императорами, королями, министрами, генералами, землевладельцами, богатыми купцами, банкирами, так как не могут десятки людей, скажем хоть тысячи, поработить миллионы. Ведь происходит порабощение только от того, что сами порабощенные не только передаются порабощению, но и участвуют в нем, платя поработителям податями, поступая к ним же на административные, финансовые, полицейские службы, поступая в парламенты, которые существуют только затем, чтобы поддерживать

существующее устройство, и главное превращая себя в безвольные орудия убийств, поступая в войска.

Ведь порабошающие теперь поляков русские, австрийцы, пруссаки властвуют над поляками никак не потому, что был совершен первый, второй, третий и четвертый раздел Польши, а только потому, что польские люди, не признавая закона любви, включающего непротивление, соглашаются совершать или готовы совершать над своими братьями те самые насилия, на которые они жалуются и от которых страдают и, обманывая сами себя, участвуют в парламентах, оправдывающих эти самые насилия.

Ведь дело очень просто. С древнейших времен одни люди порабошали других; одни народы – другие. Поработив же людей, поработители, пользуясь стремлением всех людей употреблять друг против друга насилие для своего личного блага, учреждали такое устройство, или скорее само собой устанавливалось такое устройство, при котором порабощенные, соблюдая каждый свою личную выгоду, поддерживали и утверждали власть поработителей.

Так это делалась во всех покоренных одних другими народах. Так это делалась и делается в Польше, так же делается это же и с особенным искусством в Индии, где десяток недалеких торгашей купцов поработили двухсотмиллионный, высоко развитый и просвещенный народ и продолжают держать его в рабстве. Так делается это и при порабощении рабочих сословий нерабочими. Совершается такое порабощение только от того, что каждый отдельный человек из порабощенных, не исповедуя закона любви, который не допустил бы его до участия в порабощении, "не я, так другой", говорит он и принимает участие в насилии. Делает то же и другой и третий, и кончается тем, что миллиарды денег в руках поработителей и в их же руках войско, составленное из порабощенных.

И вот тут–то при таком устройстве общества, когда с одной стороны в руках поработителей миллиарды денег, миллионы обученных вооруженных войск и инерция, привычка людей повиноваться власти, а с другой стороны, кое–как набранные гроши, составляющие 0,0001 тех денежных средств, которые в руках противников, каких–нибудь сотни, пожалуй хоть тысячи неприученных, кое–как вооруженных людей; при таком устройстве общества порабощенные, не изменяя того принципа насилия, который был причиной порабощения, этим самым насилием или, что еще смешнее, речами ораторов в парламентах, находящихся в полной власти правительств, хотя борются с поработителями и как что–то странное, нелепое, ненужное откидывают то единственное средство, которое как же верно освобождает их, как отворенная дверь освобождает заключенных.

А между тем средство освобождения так просто:

"Вы требуете от нас прямого участия в ваших делах зла и насилия, должны сказать люди, узнавшие это средство и желающие пользоваться им, вы требуете от нас того, чтобы мы отдавали вам часть наших трудов на ваши дела насилия над другими людьми и над нами самими. Очень сожалеем, что не можем исполнить вашего желания, но мы не то что не хотим, но, исповедуя закон любви, не допускающий совершенно

насилия, не можем этого делать. Можете силою отнять наше имущество, можете отнять и жизнь нашу, но добровольно участвовать в вашем деле, противном нашему разуму, нашей вере, нашей выгоде, мы не то что не хотим, но никак не можем. О том же, чтобы мы сами согласились убийцами всех тех людей, которых вы захотите чтобы мы убивали, не может быть и речи".

Стоит людям стать на такую точку зрения, а люди христианского мира и нашему времени не могут не стать на эту свойственную и чувству и разуму людей точку зрения, и как карточный домик само собой завалится все, казавшееся таким величественным и могущественным – царство насилия.

Да, избавление поработенных людей нашего времени, не только польского народа, но всех народов, всех поработенных сословий, никак не в разжигании того или иного польского, индусского, славянского патриотизма или революционного раздора и еще менее в придумывании таких новых форм жизни, в которых должны сложиться народы и люди, и еще менее в так называемой парламентской борьбе, т.е. в упражнении в красноречии, а только в одном: в отрешении от отжитого людьми, уже не свойственного им закона борьбы и насилия и в признании основным законом жизни общего в наше время всем людям закона любви, любви, исключающей возможность участия в каком бы то ни было насилии. И замена этого отжившего закона насилия законом любви так давно проповедаются всеми религиозными учениями мира и особенно тем учением, которое исповедуют христианские народы, так очевидно становится противоречие между сознанием людей христианского мира и жизненными условиями этих народов, что положение, в котором живут эти народы, не может уже продолжаться. В том, что замена эта совершится, и даже в том, что оно совершится очень скоро, я вполне уверен. Но, кроме этой уверенности, у меня есть еще и мечта. Мечта эта в том, что этот огромный переворот в жизни человечества начнется именно среди нас, среди славянских народов, менее других воинственных, более других христианских в истинном смысле христианства и потому более способных к живому сознанию того нового закона любви, который должен заменить отживший.

Почему бы не начаться этому решающему судьбы человечества движению в истерзанной Польше? А не в Польше, то в еще более внутренне истерзанной России? А начнись это движение в одном из славянских народов, и естественно бы было примкнуть к нему и другим, развращенным теперь государственными соблазнами, славянским народом. А захвати это движение славянство, и оно неизбежно заразило бы и все христианские народы.

Таковы мои мечты. Ответ же на ваше письмо я высказал в предшествующем: ответ в том, что освобождение Польши, как и всех поработенных народов и всех поработенных людей, в одном: в признании людьми высшем законом жизни закона любви, включающего в себя непротивление и потому не допускающего ни само насилие, ни какое-либо участие в нем.

Крешино,

1909 г., сентябрь 8.